

Миловидов Б.П.

Военнопленные в Ярославской губернии в 1812-1814 гг.

This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 548/2000

Опубликовано: Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152.

[142] Ярославль и Ярославская губерния в XIX веке были традиционным местом содержания военнопленных. В 1808-1809 гг. здесь были пленные шведы, один из которых оставил о пребывании в городе интересные мемуары.¹ В 1854 г. Ярославль был наряду с другими городами назначен местом пребывания пленных турецких нижних чинов.² В 1812-1814 гг. Ярославль был в первую очередь транзитным пунктом, через который военнопленные наполеоновской армии следовали во внутренние губернии России. В Государственном архиве Ярославской области отложились делопроизводственные материалы о военнопленных, начиная с 1813 г. Документов, датированных 1812 годом, за небольшими исключениями нам обнаружить не удалось. Однако в сохранившихся делах имеется ретроспективная информация статистического [143] характера о прохождении пленных через Ярославскую губернию и в 1812 г.

Согласно официальным данным по 15 февраля 1813 г. в Ярославскую губернию вошли 3 генерала, 8 штаб- и 88 обер-офицеров, а также 8949 нижних чинов (в это число не включены лица, вступившие в российско-германский легион, численность которых нам не известна). Вышли же из губернии 2 генерала, 7 штаб- и 62 обер-офицера, а также 6726 нижних чинов. Умерли на территории губернии 5 обер-офицеров и 2204 нижних чина (24, 4% - и это с учетом забот местных властей и того, что Ярославская губерния была лишь транзитной). На 15 февраля 1813 г. в Ярославской губернии находились 1 генерал, 1 штаб-офицер, 21 обер-офицер и 19 нижних чинов.³

Территориально умершие распределялись следующим образом: в городе Ярославле умерли 1 офицер и 184 нижних чина, в Ярославском уезде 2 офицера и 1430 нижних чинов, в Угличском уезде 1 офицер и 168 нижних чинов, в самом Угличе 1 офицер и 6 нижних чинов, в Рыбинском уезде 6 нижних чинов, в Мышкинском 58 нижних чинов, в Мологском 3

нижних чина, а в самой Мологе 1, в Романовском уезде 338, а в Борисоглебске 10 нижних чинов; кроме того в Любиме за период с 15 февраля по 15 июня 1813 умерли 2 нижних чина.⁴ По документам, отложившимся в канцелярии Ярославского губернатора (речь идет также о данных на 15 февраля 1813 г.) можно реконструировать и маршруты пленнных.

Пленные побывали во всех уездах губернии, кроме Пошехонского.⁵ На территорию Ярославской губернии они попадали несколькими путями. Во-первых с юга, из Переславльского уезда Владимирской губернии. Эти пленные вступали в Ростовский уезд. По рапорту ростовского земского суда от 31 декабря 1812 г. через ростовскую округу прошли 477 пленнных (5,3% от вступивших на территорию губернии). Препровождали их дворянские заседатели, а затем солдаты ростовской инвалидной команды. При этом на границе Ярославского уезда партии часто не встречали чиновники.⁶ Другой путь шел из Кашинского и Калязинского уездов Тверской губернии через территорию Мышкинского уезда Ярославской губернии на Углич. На территорию Угличского уезда [144] вошли 2 генерала, 6 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и 4047 нижних чинов (45,4% от числа вошедших в губернию).⁷ Третий путь из Весьегонского уезда Тверской губернии в Мологский уезд (куда они в свою очередь попадали из Новгорода⁸) и далее на Рыбинск. Этим путем в губернию вошли, как сказано в ведомости мологского земского суда от 7 февраля 1813, 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров и 1084 нижних чина.⁹ Однако в ведомости рыбинского уездного суда от 10 февраля 1813 г. указано, что из Мологского уезда прибыли 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров и 1381 нижний чин (да в Мологском уезде умерло 3 человека).¹⁰ Если даже признать, что ведомость рыбинского суда верна, получается, что через Мологу вошли 15,4% от числа вошедших в губернию. Откуда пришли еще 33,9%, остается неясным.

подавляющая часть пленнных проходила через Ярославский уезд. По данным земского суда там побывали 2 генерала, 6 штаб- и 48 обер-офицеров, а также 6555 нижних чинов (то есть более половины офицеров и 73,2% нижних чинов, проходивших через губернию). В Ярославль они попадали из Угличского и Ростовского уездов, а также из Романовского уезда, куда прибывали из Рыбинска. Все пленные из Ярославского уезда (за исключением указанного числа умерших там), то есть 5179 человек были отправлены в костромской земский суд (в том числе и через территорию Даниловского уезда Ярославской губернии).¹¹ Это составляет 76,1% от вышедших из Ярославской губернии. Куда же отправились остальные 23,9%?

К сожалению, по Романовскому и Даниловскому уездам статистики обнаружить не удалось. Известно лишь, что в Романовский уезд они поступали из Рыбинского, Угличского и Ярославского уездов и направлялись в Ярославский и Даниловский уезд.¹² Можно предположить, что часть пленнх двигалась из Романова через Даниловский уезд в Костромскую губернию. Известно также, что одна партия численностью 101 нижний чин в сентябре 1812 г. отправилась из Даниловского уезда через Любим на Вологду (вероятно эти пленные шли из Романова или Ярославля).¹³

Впрочем, маршруты движения пленнх по северным и северо-западным губерниям Европейской России требуют [145] дальнейшего уточнения. Для этого необходимо детальное обследование архивов в Новгороде и Твери.

Из Костромской губернии, по всей видимости, пленные отправлялись в Вятскую и Нижегородскую губернию. Пленный медик С.Б. Пешке двигался с партией пленнх из окрестностей Москвы через Тверь и Ярославль на Нижний Новгород, Пензу и далее.¹⁴ В Ярославле он побывал, судя по всему во второй половине октября 1812 г. Путь от Твери до Ярославля занял месяц. Это расстояние можно было пройти и за меньший срок, но, по словам Пешке, возглавлявшему конвой сержанту было выгодно тянуть время, так как он наживался, экономя на содержании пленнх. И никакие уговоры и угрозы не могли заставить его облегчить их судьбу. Пешке говорит, что сержант имел «не злое сердце», а поведение его объясняет в первую очередь склонностью простонародья извлекать выгоду везде, где только возможно.¹⁵ Половина партии двигалась пешком и в результате многие пленные, с трудом добравшись до города, падали замертво на порогах домов. Жалобы Пешке были, вероятно, услышаны кем-то из чиновников, когда пленные проходили мимо губернаторского дома. Им быстро отвели квартиры в обывательских домах и пообещали выдать лекарства.¹⁶ Пешке отмечает, что хотя Ярославль издали показался ему более живописным, чем Москва, улицы города были грязными и тесными, на площадях росла трава. Толпа зевак смотрела на пленнх как на диких зверей. «Ни с одним из жителей, - писал Пешке, - я не мог завязать разговор, всякий бежал от меня как от бешеного волка». С хозяином квартиры поначалу пленные объяснялись жестами, но один из офицеров, разговаривая по-польски, установил с ним неплохие отношения. Из беседы выяснилось, что настраивает жителей против пленнх правительство.¹⁷ Возможно речь идет об ограничениях общения пленнх с местными жителями. Подобная практика известна в других губерниях. Например, 27 июля 1812 г.

псковский гражданский губернатор потребовал под угрозой суда от городничих запретить им свободное «хождение и сношение с обывателями», дабы пленные не имели случая делать «злонамеренные внушения».¹⁸

Пешке в Ярославле встретил множество пленных, пришедших [146] туда ранее. Среди них были и такие, кто сменив религию, вступил в российскую службу. Их Пешке однозначно осуждает. При отправке в Нижний Новгород из 122 больных, находившихся в партии Пешке, в госпитале было оставлено лишь 72, для остальных же больных выдали подводы. Этому способствовал и новый начальник конвоя. Однако при этом партия одежды в Ярославле не получила.¹⁹

Обратный путь пленных также пролегал через Ярославскую губернию. Весной 1813 г. из Саратова в Петербург через Ярославль в составе партии пленных проезжал офицер 9 легкоконного полка Шенк, выходец из Ганновера. В своих мемуарах он описывает ужаснейшие квартиры в пустых домах, где пленных мучили насекомые. Партия Шенка провела в Ярославле три дня и лишь после обращения к губернатору князю М.Н. Голицыну с просьбой ускорить отправку, пленные двинулись дальше. Партию сопровождал вечно пьяный офицер, применявший весьма своеобразную технологию взаимоотношений с местным населением. Когда пленные приходили в деревню, он избивал старосту, а затем бил и крестьян, до тех пор, пока они не предоставляли требуемое количество лошадей и квартиры.²⁰ В июне 1814 г. через Ярославскую губернию двигались пленные, возвращавшиеся из Костромской и Вятской губерний. Как видно из отношения костромского гражданского губернатора к ярославскому от 8 июня 1814 г. пленные двигались через Ярославль, Углич, через Тверскую и Псковскую губернии на Ригу.²¹ Из Вятской губернии двигались пленные через город Буй Костромской губернии, далее через Любим, Данилов, Романов, Рыбинск и Мышкин Ярославской губернии на город Бежецк Тверской губернии и далее на Ригу.²² В конце мая из Вятки в сопровождении квартального вятской градской полиции отправился и генерал Вандам с четырьмя офицерами и пятью нижними чинами, «находившимися при них в услужении на собственном их иждивении». Вятский гражданский губернатор просил ярославского предоставить им лошадей (10 пленным и 2 квартальному), кроме того губернатор просил о содействии « в случае какого-либо ему [квартальному –Б.М.] от пленных утеснения или же от него им неуважения и неприличных поступков».²³ 30 июля 1814 г. ярославский гражданский губернатор [147] получил отношение от губернатора

Пермской губернии, о том, что оттуда вышла партия пленных в количестве 10 обер-офицеров и 99 нижних чинов. Ее назначение неизвестно.²⁴

Через Ярославскую губернию проходили и иные маршруты пленных. 7 июля 1814 г. костромской губернатор сообщил ярославскому, что через Вятку следует партия пленных польских обер-офицеров (14 человек) из Тобольска, которых следует направлять на Радзивилов и Белосток.²⁵ 21 июля из Вологды вышла партия пленных, отправлявшихся на Радзивилов. Их путь пролегал через Ярославскую, Тверскую, Смоленскую, Витебскую, Могилевскую и Волынскую губернии.²⁶ А вышедшая 20 июля из г. Орлова Вятской губернии на Радзивилов партия пленных должна была проходить через Кострому, Ярославскую губернию (Ярославль и Ростов) и Владимирскую (Переславль).²⁷

Ярославль эпохи 1812 года связан с деятельностью такой крупной фигуры как принц Георгий Ольденбургский, бывший тогда тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором. Он находился в Ярославле с августа по середину ноября 1812 г. Донесения принца императору Александру I о положении пленных в Ярославле сыграли определенную роль в формировании общероссийского законодательства о пленных 1812 г. Так 26 октября 1812 г., генерал-губернатор сообщал императору, что при осмотре партии пленных, прибывших в Ярославль, он обнаружил, что «они босы, оборваны, одним словом в рубищах, которые дают им более вид нищих, нежели пленных». Кроме того, Ольденбургский заметил, что в партии много больных, и узнал, что пленные не получили ни денег, ни провианта, а «кормились они на пути единственно тем, что обыватели из жалости им уделяли». Ольденбургский потребовал от подчиненных ему новгородского, тверского и ярославского гражданских губернаторов строжайшего соблюдения правил препровождения пленных и «возложил сие на непосредственную и неминуемую их ответственность». Упомянутую же партию принц приказал расположить в селениях в 15 верстах от города и, снабдив одеждой и обувью, отправить далее. Деньги на одежду для военнопленных Ольденбургский предложил отпустить [148] в распоряжение гражданского губернатора из ярославской казенной палаты, а о дальнейших ассигнованиях на одежду он отнесся к главнокомандующему в Санкт-Петербурге.²⁸ 7 ноября 1812 г. император направил Кутузову и Витгенштейну рескрипты, в которых ссылаясь на полученные от Ольденбургского сведения, констатировал, что «состояние пленных взывает к себе человечество». Император также предписывал, чтобы пленные из армии отправлялись в полном порядке, и главнокомандующие каждый раз

требовали от губернаторов той губернии, куда вступают пленные, соблюдения норм снабжения одеждой и продовольствием, а также категорических распоряжений о том, «чтобы люди сии и не отправлялись иначе в путь как по экипировке, которая бы сохранила их от дальнейшей нужды, наипаче в теперешнее зимнее время».²⁹ Вместе с тем Александр передал через А.А. Аракчеева текст донесения Ольденбургского и обоих рескриптов С.К. Вязмитинову, с тем, чтобы Министерство полиции предписало гражданским губернаторам строжайше следить за снабжением пленных продовольствием и одеждой, а также под страхом личной ответственности «ни под каким видом не отпускать пленных из одной губернии в другую» без одежды.³⁰ Соответствующий циркуляр был издан 8 ноября 1812 г.³¹ Чуть позднее, 19 ноября, в развитие сюжета об одежде для пленных и в ответ на запрос орловского гражданского губернатора, был издан циркуляр о снабжении пленных зимней одеждой согласно вновь составленному положению.³² Однако еще до этого, 13 ноября 1812 г. Георгий Ольденбургский направил императору из Ярославля еще одно донесение о положении пленных. Он писал, что пленных ведут «большей частью без одежды, времени года соответственной, и в одних совершенно рубищах, больных на пути нигде в больницах не оставляют и не пользуют, так что многие из них на самой дороге преждевременно от голода, болезней и стужи умирают». Ольденбургский принял решение останавливать в Ярославле такие партии, в результате чего там скопилось до двух тысяч пленных, которых он приказал расположить в ближайших к городу селениях.

«Но и здесь от одних и тех же причин болезни между ними до такой степени усилились, что угрожают и тем селениям, и [149] самому губернскому городу заразою». Размещать же больных военнопленных в ярославском военном госпитале по причине отсутствия мест оказалось невозможным. В связи с этим генерал-губернатор приказал всех больных военнопленных нижних чинов разместить в двух домах на въездах в Ярославль; в отдельном удобном доме разместить больных офицеров; в качестве медицинского персонала использовались медики из самих пленных под общим надзором городских врачей. Отправлять пленных в дальнейший путь следовало только «по совершенном выздоровлении и снабжении всем необходимым». Кроме того, Георгий Ольденбургский просил императора направить министру финансов повеление об отпуске ярославской казенной палате на расходы, связанные с пленными, пятьдесят тысяч рублей.³³

Мы располагаем еще одним документом, происходящим из канцелярии принца Георгия Ольденбургского и датированным декабрем 1812г. Это проект предписания городничим и земским исправникам Новгородской, Тверской и Ярославской губерний относительно пленных французов. Успел ли принц Ольденбургский утвердить его до своей смерти, мы не знаем. Но обращает на себя внимание констатирующая часть проекта, которая рисует положение пленных в самый тяжелый для них период. В документе говорится, что не смотря на все строжайшие предписания, пленные препровождаются «часто без одеяния, времени года приличного, и, снося то стужу, то голод, то всякого рода притеснения, преждевременно умирают». В тех случаях, когда пленных все-таки размещают по квартирам, они все равно находятся в очень плохих и стесненных условиях. Вина за такое положение целиком возлагается на нераспорядительность местных властей. Отмечается также распространение болезней, как среди пленных, так и среди хозяев квартир, с которыми пленные находятся в одних помещениях. Сообщается о фактах продажи одежды, снятой с военнопленных, в основном больных, что также способствует развитию эпидемии.

В связи с этим в проекте содержится ряд предписаний городничим и земским исправникам. Они должны лично осматривать все прибывающие партии пленных, составлять описи имеющейся на них одежды, после чего выдавать недостающие [150] вещи согласно положению о зимней одежде для военнопленных. При отправке экипированных и снабженных продовольствием пленных местные власти должны были вручать конвойным реестр с показанием, кто из пленных во что одет. Соответствующие сведения должны были доставляться гражданскому губернатору и генерал-губернатору. Во время пребывания в городах и уездах здоровых пленных следовало располагать на постой по квартирам, больных же «не теряя ни одной минуты» отделять от здоровых и располагать в отдельных избах, выселив предварительно оттуда хозяев. Лечение пленных возлагалось на городских и земских врачей, а лекарства для них следовало брать из военных госпиталей. Избы, где находились больные, предписывалось вымораживать и выкуривать можжевельником, а умерших немедленно сжигать в соответствии с высочайшим повелением от 14 ноября 1812 г. Годную одежду, оставшуюся от умерших, предписывалось отдавать другим партиям, а негодную сжигать вместе с трупами. Ситуация с одеждой была, видимо, настолько сложной, что экономические соображения, все-таки перевешивали соображения медицинские. Этот пункт выглядит тем более странным, что сжигать предписывалось и старую одежду

оставшуюся от живых пленных после выдачи им новой, а следующий пункт прямо запрещает под страхом суда продажу одежды, оставшейся от больных пленных.³⁴ Между тем по данным ярославского земского суда на февраль 1813 г. в Ярославском уезде «нанесенной пленными горячкой» заболели 1443 жителей, из которых 1106 выздоровело, 119 умерли, а 183 чел оставались больными.³⁵ Кроме того, в Ярославле заразились от пленных горячкой 1375 человек, из которых к 11 февраля 1813 г. 819 выздоровели, 195 умерли и 361 оставались больными.³⁶ В Романовском же уезде заболело 1416 чел, выздоровели 836 и умерли 243, оставались же больными 385.³⁷

Таким образом, практика оставления пленных в губернии до приведения их в нормальное состояние складывалась стихийно. Мотивами такого решения были как забота о самих пленных, так и опасность распространения эпидемии. В рамках Ярославской губернии был создан прецедент для решения, принятого в декабре 1812 г., когда остановка движения пленными [151] была единственным средством распространения эпидемии. В какой-то мере формированию такой практики должен был способствовать и циркуляр 8 ноября 1812 г. Вне зависимости от воли законодателя он предполагал оставление пленных в губерниях хотя бы на некоторое время, так как быстро снабдить одеждой массу пленных было невозможно.

¹ Бородин М. Из дневника шведского поручика Б.И. фон Брейтхольца 1808-1809 // Военный сборник 1906 № 3

² РГВИА Ф.1 Оп.1. Д. 21249 ЛЛ. 80-81.

³ ГАЯО (Государственный архив Ярославской области) Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 110.

⁴ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 129.

⁵ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 12.

⁶ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 2.

⁷ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 10, 58.

⁸ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 12.

⁹ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 81.

¹⁰ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 60.

¹¹ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 53, 24.

¹² ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 26-27.

¹³ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 15, 17 об.

¹⁴ [Пешке С.Б.] Выписка из записок Пешке // Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. Рефераты и статьи членов Тамбовской ученой архивной комиссии с приложением документов. Тамбов 1915. С. 124.

¹⁵ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 25, 26.

¹⁶ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 26.

-
- ¹⁷ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 25-26.
- ¹⁸ ГАПО (Государственный архив Псковской области) Ф. 20 Оп. 1 Д. 385 Л. 2.
- ¹⁹ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 26, 27.
- ²⁰ Schenck C. Ch. L. Mitteilungen aus dem Leben franzoesischen Oberstleutnant... Celle, 1829. S. 145-146.
- ²¹ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 4-5.
- ²² ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 7а.
- ²³ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 7.
- ²⁴ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 53. [152]
- ²⁵ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 31.
- ²⁶ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 57.
- ²⁷ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 863 Л. 67.
- ²⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 10 СПб. 1899. С 252-253.
- ²⁹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 2 СПб. 1889. С.163-165.
- ³⁰ Там же С.304.
- ³¹ ГАПО Ф.20. Оп. 1. Д. 387. Л. 33.
- ³² ОР РНБ Ф.152 Оп. 1. Д. 277 ЛЛ. 9-10.
- ³³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 10 СПб. 1899. С. 265-266.
- ³⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии Вып. 14. Ч.2. СПб. 1913. С. 145-148.
- ³⁵ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 54.
- ³⁶ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 30.
- ³⁷ ГАЯО Ф. 73 Оп.1. Д. 853 Л. 29.